

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АННЕНКОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДРАМЫ «ЦАРЬ ФЕДОР
ИВАНОВИЧ», ТРАГЕДИЯ
ГРАФА А.К. ТОЛСТОГО

Павел Васильевич Анненков
Последнее слово русской
исторической драмы
«Царь Федор Иванович»,
трагедия графа А.К. Толстого

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572125

Аннотация

«Из многочисленных способов относиться к русской истории и к русскому народу, граф А.К. Толстой выбрал один из самых оригинальных, который уже доставил почетный успех первой его трагедии – «Смерть Иоанна Грозного» – и который также точно и теперь возбуждает общее сочувствие к новой исторической драме его: «Царь Федор Иванович». О ней-то именно и будем говорить здесь, считая посильный разбор ее делом не совсем бесполезным, ввиду того обстоятельства, что одобрение многочисленной образованной публики обеих наших столиц может, пожалуй, узаконить в литературе и некоторые недостатки того оригинального способа обращения с историческими эпохами и их представителями, который усвоен автором и поддерживается им с большим драматическим и поэтическим талантом...»

Павел Васильевич

Анненков

**Последнее слово русской
исторической драмы «Царь
Федор Иванович», трагедия
графа А.К. Толстого**

Из многочисленных способов относиться к русской истории и к русскому народу, граф А.К. Толстой выбрал один из самых оригинальных, который уже доставил почетный успех первой его трагедии – «Смерть Иоанна Грозного» – и который также точно и теперь возбуждает общее сочувствие к новой исторической драме его: «Царь Федор Иванович». О ней-то именно и будем говорить здесь, считая посильный разбор ее делом не совсем бесполезным, ввиду того обстоятельства, что одобрение многочисленной образованной публики обеих наших столиц может, пожалуй, узаконить в литературе и некоторые недостатки того оригинального способа обращения с историческими эпохами и их представителями, который усвоен автором и поддерживается им с большим драматическим и поэтическим талантом.

Способ этот, как известно, заключается в том, чтобы по-

ложить в основание трагедии один полный психический этюд главного действующего ее лица и сделать из всех явлений, из всего ее содержания, только подробности этого самого психического очерка или этюда. Таким образом создана была первая трагедия графа Толстого, в которой анализ характера Ивана Грозного составляет настоящую мысль и цель произведения. Читателям нашим не нужно напоминать, сколько драматической изобретательности, поэтических красок и счастливых сценических эффектов употребил в дело граф Толстой за эту обрисовку царя Ивана Васильевича, как он представлялся его воображению. Самый способ такого производства драмы не нов; в известной мере он употребляется всеми драматургами без исключения, но у графа Толстого он становится единственным и исключительным способом создания, поглощающим все его соображения и не оставляющим места в драме для других ее условий. Новая трагедия автора есть опять психический очерк царя Федора Ивановича; но проведенный, как нам кажется, еще с большею обдуманностью, с большею широтой кисти и с большим мастерством относительно обстановки портрета, чем даже великолепный очерк царя Ивана. Работа автору предстояла тут сложная и трудная.

Как бы ни казалась громадна личность Грозного в сравнении с личностью его духовно-немогущего сына Федора, все же должно сказать, что психическая разработка Ивана IV как типа гораздо легче чем всякого другого, менее вырази-

тельного характера. В нашей истории и в народном сознании он представляется соединением множества пороков и отрицательных качеств, достигших тех необычайных размеров, когда они становятся доступны всем глазам и самому низменному пониманию. По простоте материалов, которые могут быть употреблены при его изображении и которые не требуют особенного разбора, он даже составляет клад для второстепенных писателей. Неистовые страсти со всех своих видах, кровожадные порывы зверя, пользующего безграничным простором, дикое самоуслаждение и коварное лицемерие, играющие своими жертвами, – все эти черты и другие, им подобные, принадлежат к разряду грубых психических элементов, легко понимаемых и легко передаваемых, именно вследствие их грубой ясности, простоты и осязательности. Вдобавок личность Ивана IV, по богатству своего мрачного содержания, имеет еще и то преимущество, что уже не может пострадать ни от какого наговора, что нет на свете такого чудовищного предположения, которое не могло бы найти в ней надлежащего места, с которым бы она не уживалась свободно. Работа за подобным характером есть работа в высшей степени благодарная, предмет освобождает автора от всякой ответственности, без труда и искания дает ему отличные краски и принимает на себя заботу о занимательности, оригинальности и потрясающем действии на читателей. Само собою разумеется, что если за такую работу принимается значительный литературный талант, то, при поэти-

ческом вдохновении и при способности к творчеству, характер Ивана IV открывает ему огромное поле для фантазии, психического анализа и трагических эффектов, как это мы действительно и видим в первом произведении графа Толстого.

Совсем другое дело предстояло с характером царя Федора Ивановича. Здесь надо было почти целиком изобрести, так сказать, его образ, сохраняя от предания одни только внешние очертания портрета. Так именно и поступил автор. История показывает нам Федора царем-причетником, отдавшим царство Годунову и замкнувшимся в сфере церковных обязанностей да потех, какие могла давать ему жизнь между дворцового челядью и населением, окружавшим тогда монастыри и церкви. На этом скудном и далеко не трагическом материале автор создал тип Федора, замечательный по своему внутреннему смыслу. Он сделал из него больного, не способного к труду и ограниченного человека, но с такими сокровищами сердца, с таким обилием любви к людям, и с такой ангельской простотой воззрения на себя и других, что этот немощный правитель часто возвышается до понимания характеров и до решений, превосходящих мудростью все, что около него подает голос и совет. Трагизм его положения заключается в бессилии его физической и нравственной природы, при самых благородных инстинктах и пожеланиях. Замечательно, что царь Федор второй трагедии графа Толстого служит как бы оправданием своего грозного отца, не пощаженого автором в первой его драме. Злобный

мир, в котором Федору пришлось жить и действовать, видимо нуждается в железной руке для своего успокоения и для того, чтобы не дать ему расползтись врозь. Он теряется сам, когда не чувствует власти и воли, способных валить головы и водворять порядок при содействии палача. Федор был не от этого мира, да и не от какого мира вообще. Это не только правитель невозможный, это и человек невозможный – так все в нем или выше, или ниже обыкновенных условий человеческого существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.